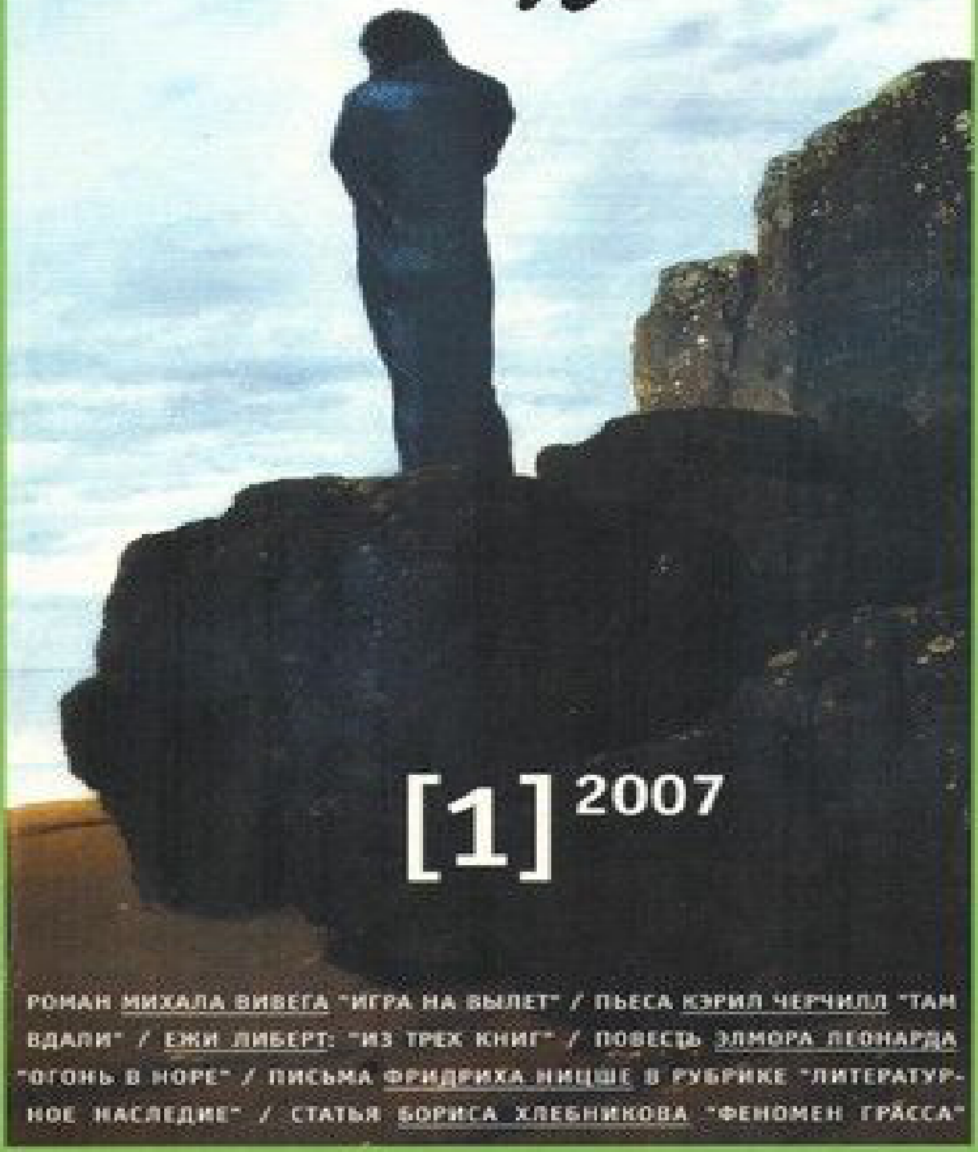
ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



[1] 2007

РОМАН МИХАЛА ВИВЕГА "ИГРА НА ВЫЛЕТ" / ПЬЕСА КЭРИЛ ЧЕРЧИЛЛ "ТАМ ВДАЛИ" / ЕЖИ ЛИБЕРТ: "ИЗ ТРЕХ КНИГ" / ПОВЕСТЬ ЭЛМОРА ЛЕОНАРДА "ОГОНЬ В НОРЕ" / ПИСЬМА ФРИДРИХА НИЦШЕ В РУБРИКЕ "ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" / СТАТЬЯ БОРИСА ХЛЕБНИКОВА "ФЕНОМЕН ГРАССА"

Основан в 1830 году

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания поэта и переводчика Марины Бородицкой о своем учителе Вильгельме Вениаминовиче Левике.

- Марина Яковлевна Бородицкая

Марина Яковлевна Бородицкая
Картинки из «зеленой гостиной»

Оказалось, что помню я преступно мало. Столько лет — с 1976 года и почти до самой смерти Вильгельма Вениаминовича — занималась у него в семинаре, помню какие-то «внешние» вещи: кто присутствовал, где было дело, даже кто каких авторов переводил… но живых, озвученных и расцвеченных «картинок», тех самых impressions, из которых и складывается для каждого послежизненный портрет дорогого человека, осталось — наперечет. Попробую перелистать этот мысленный фотоальбом, пока он не истрепался окончательно.

Помню свое первое ощущение при взгляде на Левика: серебро. От него шло какое-то серебряное сияние: седина, благородный серый костюм, серые лучистые глаза (а может, и карие, только все равно с каким-то лунным отливом). Мягкий, довольно высокий голос — тоже серебристый. Помню, сидим мы где-то в недрах ЦДЛ, в той самой «зеленой гостиной», и В. В. увлеченно рассказывает, как в Италии до сих пор — он сам видел и слышал! — во многих семьях «Божественная комедия» — часть повседневного обихода: вот пришли дети из школы и спрашивают (тут прямо в ушах у меня раздается живой, мелодичный левиковский голос):

— Папа, можно почитать Данте?

Помню, как он говорил о Рильке. В Рильке у нас была беззаветно и, похоже, безнадежно влюблена Танечка Фрадкина. Недосягаемый Райнер Мария молодой переводчице не давался (как не давался он, впрочем, почти никогда и никому). Но В. В., выслушав очередной Танин опус, не заострял внимания на его слабостях — нет, он снова и снова заводил речь о том, как безумно сложен для перевода этот ускользающий Рильке и какого уважения заслуживают отважные попытки «взять» эту высоту. Помню, единственный раз он задал нам что-то вроде домашнего задания: попробовать перевести знаменитую «Осень»: для тех, кто не знал немецкого, тут же, на лету, «с листа» продиктовал подстрочник, и через две недели, пристыженно вздыхая, несколько человек «оглашали» результат. Мой перевод — по первому впечатлению (отчасти благодаря вдохновенной декламации) — даже понравился, но подробного разбора, разумеется, не выдержал. Я же, тогда еще студентка, радовалась чистейшей радостью участника волшебного действа.

Мне до сих пор кажется: не умри Таня Фрадкина так рано и

так страшно-нелепо (она погибла от укуса осы) — в конце концов у нее бы обязательно получилось…

Из «зеленой гостиной» нас, помнится, через некоторое время попросили, и мы занимались то в помещении парткома (попасть туда можно было только по лестнице из ресторана, где нас с любопытством разглядывали жующие члены Союза писателей), то в какой-то каминной, то в комнате за сценой, а потом почему-то вообще попросили из ЦДЛ, и мы стали собираться в Литературном музее на Петровке (в бывшем монастыре!), где работала тогда наша семинаристка Юля Сульповар (Покровская). А потом, кажется, попросили и оттуда — и другой участник семинара, Ян Пробштейн, приютил нас у себя на работе, в подвальном помещении детской художественной студии при ЖЭКе, где-то недалеко от «Маяковки». И по всем этим адресам В. В. являлся с неизменной немецкой пунктуальностью и ласковой улыбкой.

Лютой сорокаградусной зимой 1978-1979-го мне пришлось на время перестать посещать занятия. В декабре родился Андрюшка, я никак не выздоравливала и месяц провалялась в роддоме, а едва выписалась — ребенка с подозрением на пневмонию забрали в больницу, меня же с плюс-сорокаградусным маститом туда не пустили… В общем, все было ужасно, хуже некуда, но когда наконец, после трехмесячного перерыва, тощая, страшненькая, несчастная, в спадающих джинсах, под которые мама заставила надеть шерстяные рейтузы, я впервые пришла на семинар… о, как засветились навстречу родные лица, как меня поздравляли с сыном! Сам В. В. хлопотал вокруг меня, усаживал — и уж никак не ожидал, что я, как и другие, принесла «что-нибудь показать». А я принесла лимерики, целую кучу. «Да когда же вы успели?» — «В роддоме…» И я рассмеялась вместе со всеми.

Мы тогда вообще много смеялись. Как замечательно спел про римлян Окуджава: «Видимо, не знали, что у них упадок». Видимо, не знали, что у нас застой. Помню, как готовили В. В. на день рождения что-то вроде капустника, и я ввязалась сразу в два «номера». С Гришей Кружковым сочиняли мы пародию на пушкинский «сон Татьяны», а с Сережей Таском — на «Ивиковы журавли», где вместо Ивика был у нас, разумеется, «Левик, друг богов» и еще почему-то булгаковская Аннушка:

Чтоб Левика звезда погасла,
Она подсолнечное масло
У врат Худлита пролила…

Помню, как веселился вместе с нами Вильгельм

Вениаминович, помогая Юле Сульповар подыскивать «античные» ругательства для перепалки двух древнегреческих дам в блистательной мистификации Пьера Луиса «Песни Белитис». Сейчас даже не верится, что вот так, прямо у нас на глазах, рождался этот не менее блистательный и давно уже ставший классикой перевод.

Правда, так уж от души хохочущим я В. В., пожалуй, не помню. Вот его друг и коллега Элисбар Георгиевич Ананиашвили, захаживавший к нам на занятия, — тот смеялся самозабвенно. А Левик больше улыбался.

Помню, как он однажды почти рассердился. Какой-то молодой человек, кажется из новеньких, принес показать перевод — довольно слабый, но не в этом дело — совсем уж дурацкого и пустого современного стихотворения «Кофе с едой» («Coffee With The Meal»), где лирический герой никак не допросится, чтобы официант подавал ему кофе одновременно с обедом. Автора, хоть убей, не помню. «Выбор произведений для перевода, — отчеканил Левик, — тоже свидетельствует о вкусе переводчика и масштабе его дарования». За точность цитаты не ручаюсь, за смысл — вполне. Сама теперь в том же духе поучаю своих семинаристов, чтоб не тратили время и силы на перевод какой-нибудь заведомой ерунды.

А вообще не очень-то он с нами возился. Не водил за ручку по редакциям, не опекал. Зато уж если протягивал руку за понравившейся рукописью — «Дайте-ка мне… покажу, пожалуй, в Детгизе» — это было как орден получить. Один раз протянул и за моей подборкой детских англичан (я часто выбирала для перевода что-нибудь смешное или детское, что, несомненно, свидетельствовало о «вкусе и масштабе», а пуще — о стремлении переводчика потешить «почтеннейшую публику»). Я бежала домой, на Пушкинскую, из Литмузея на Петровке и ликовала, вот именно ликовала — так, будто меня уже издали в твердом переплете и с чудесными цветными картинками. Собственно, издаваться было теперь не обязательно. Главное, Левик сказал: «Дайте-ка сюда…»!

Помню, идем мы после очередного семинара всей компанией к метро, и В. В. говорит своим необыкновенным голосом:

— Я раньше ходил — быстрее всех! А теперь иду и думаю: я же так быстро иду! Отчего меня все обгоняют?

Летом 1981-го мы с Гришей Кружковым поженились (Левик радовался, передавал поздравления) и ходить на семинары почти перестали. Переводческий семинар в режиме нон-стоп продолжался теперь у нас дома, в коммуналке на Чонгарском бульваре…

Похорон не помню совершенно. Как будто засветили пленку. Помню тарелку с поминальным рисом в темноватой прихожей их квартиры, занавешенное зеркало. И Татьяну Васильевну, приговаривающую: «Вот кутия, кутия…» На поминки я остаться не могла: дома ждал кормления двухмесячный Сережка. Помню, Гриша написал стихи, назывались они, кажется, «На смерть переводчика», там были такие строки:

Переселявшаяся столько раз,
Душа, конечно, вновь переселится…

Надеюсь, что они не пропали и войдут целиком в книжку воспоминаний.

Спустя полтора десятка лет, готовясь к очередной радиопередаче серии «Литературная аптека», я перечитывала свою любимую, гениально переведенную Левиком балладу Браунинга «Как привезли добрую весть из Гента в Ахен». И нашла в ней маленькую неточность: «К подпруге склонясь, я ослабил ее…» Разыскала оригинал, проверила — конечно, не ослабил, а подтянул, я и сама немного училась верховой езде и знаю: перед долгой скачкой подпругу затягивают как можно туже. Но с этим крошечным изъяном божественная баллада показалась мне еще милей, еще роднее. И на записи в студии, на пятой строфе, на внезапном затишье после грохота копыт в четвертой, — на любующемся, любовном шепоте всадника: «Мой смелый! Ты скачешь в степной тишине, Ты ухом прядешь, обращенным ко мне…» — голос у меня задрожал и прервался от слез.

Кстати, что там была за добрая весть, в балладе не сказано, да это и не важно. Главное, что она подоспела вовремя, иначе бы все пропало… А переводчик — он и есть тот самый всадник, единственный доскакавший, любивший и ласкавший родной язык, как своего ненаглядного коня. Всадник со спасительной вестью.